

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русины

2023. № 74

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

УДК 94(47)+94(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/7

Украинская тематика в национальном воспитании народных масс Подолии и Волыни: по материалам церковных изданий начала XX в.*

А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Авторское резюме

Подольская и Волынская губернии имели в начале XX в. репутацию оплота монархических и русских национально-патриотических сил, а местное крестьянство считалось опорой черносотенного движения. Однако после падения самодержавия эти регионы оказались опорными территориями образуемого украинского государства, а местное крестьянство быстро превратилось из «истинно русских людей» в украинцев. В связи с этим целью статьи является изучение публикаций волынских и подольских церковных периодических изданий, посвящённых проблеме национального воспитания народных масс Правобережной Украины и месту в них украинской проблематики. В статье уделено внимание трактовкам и контексту упоминания в церковных изданиях Волыни и Подолии таких понятий, как «Украина», «украинцы», «Малороссия», «малороссы», «мазепинцы», «русинь», а также важнейших исторических событий, связанных с данным регионом. Рассматривается отношение церковных изданий к украинскому и русскому национализму. Демонстрируется позиция церковных изданий по вопросу о родном для местного крестьянства языке. Показана политика церковных изданий по национальному воспитанию масс и освещению украинского вопроса на примере событий, связанных с жизнью русинов в Прикарпатье и Галичине. На основе проанализированных источников, часть которых впервые вводится в научный оборот, показано, что подход к национальному

---

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00071 <https://rscf.ru/project/23-28-00071/>

воспитанию крестьянских масс на Волыни и Подолии заметно отличался. Если на Волыни духовенство проводило политику, нацеленную на формирование общерусской идентичности, то подольские церковные издания акцентировали внимание на отличительных национальных чертах, подчёркивая разницу между великороссами и малороссами. Но, несмотря на разность подходов, итог в обеих губерниях оказался одинаковым. Не имея твёрдой национальной самоидентификации, крестьяне Правобережной Украины под воздействием Почаевской лавры и Союза русского народа превращались в русских, а под влиянием украинской пропаганды – в украинцев. Каждое из этих «обращений» зависело от ряда факторов, но главным из них являлось то, насколько принадлежность к тому или иному сообществу позволяло крестьянину решить острые для него социально-экономические вопросы.

Ключевые слова: Правобережная Украина, Подолье, Волынь, крестьянство, церковная пресса, Союз русского народа, черносотенцы, национальное воспитание, украинский вопрос

Ukrainian themes in the national education of peasantry in Podolia and Volhynia: following church publications of the early 20th century*

Andrei A. Ivanov

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Abstract

Podolia and Volhynia in the early 20th century were regarded as a stronghold of monarchical and Russian national-patriotic forces, with the local peasantry considered a pillar of the Black-Hundred movement. However, after the fall of the autocracy, these regions turned to be the backbone territories of the emerging Ukrainian state, and the local peasantry rapidly changed from 'true Russian people' into Ukrainians. Hence, the article studies the publications in church periodicals of Volhynia and Podolia on the problem of national education of Right-Bank Ukraine and a role of Ukrainian themes therein. The article focuses on renditions and contexts of such notions as 'Ukraine',

---

* The study was funded by the Russian Science Foundation, Project № 23-28-00071, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00071/>

'Ukrainians,' 'Little Russia,' 'Little Russians,' 'Mazepinets,' 'Rusins' in these publications, on the most important historical events associated with the region, and on the attitude of church towards Ukrainian and Russian nationalism. The author highlights the stand of the church on the language native for local peasantry, the policy of the religious press concerning popular education and coverage of the Ukrainian question as in cases of publications related to the life of Rusins in Transcarpathia and Galicia. Based on the analysed sources, some of which have never been in the focus of academic attention before, the author shows that Volhynia and Podolia demonstrated different approaches to national education of peasantry. While in Volhynia the clergy pursued a policy aimed at the formation of All-Russian identity, the church publications in Podolia focused on national specificity, emphasizing the difference between Great and Little Russians. However, the end result in both provinces turned to be the same. Lacking strong national self-identity, the peasantry of Right-Bank Ukraine driven by the Pochaev Lavra and the Union the Russian People tuned Russians, while those driven by Ukrainian propaganda – Ukrainians. Each of these 'conversion' depended on a number of factors, but the most important was the extent to which belonging to a particular community allowed peasants to resolve their own cutting social and economic issues.

Keywords: Right-Bank Ukraine, Podolia, Volhynia, peasantry, religious press, Union of Russian People, Black-Hundreders, national education, Ukrainian question

Губернии Правобережной Украины (Киевская, Подольская и Вольнская), относившиеся к юго-западной окраине Российской империи, проявили себя в начале XX в. как оплот монархических и национально-патриотических сил. Здесь, при самом активном участии православного духовенства, сложились массовые народные черносотенные союзы, действовали политические организации русских националистов, эти губернии выбирали в Государственную думу III и IV созывов депутатов преимущественно консервативных взглядов. Именно здесь черносотенное движение, самым массовым представителем которого являлся Почаевский отдел Союза русского народа (СРН), пользовалось наибольшей поддержкой крестьянского населения, значительно превосходя по численности отделы монархических организаций в великорусских губерниях. Однако после крушения монархии и империи эта «твердыня» русского черносотенства довольно быстро стала превращаться в оплот украинства, а тысячи крестьян-черносотенцев, ранее считавшихся «истинно русскими людьми», – в украинцев. Эта метаморфоза уже не раз обращала на себя внимание историков и даже послужила основанием для выдвигания довольно смелой гипотезы, предложенной К.К. и К.И. Федевичами, предлага-

ющей рассматривать черносотенное движение Волыни и Подолии как часть «украинского национального дискурса» и «правое течение украинского национального движения» [57: 8]. Как отмечают авторы концепции, черносотенцы в этом регионе «считали украинцев/малороссов таким же народом, как и другие европейские нации. В агитации и повседневной деятельности монархисты и черносотенцы употребляли украинский и русский язык, украинскую национальную терминологию, апеллировали к украинскому патриотизму, образам украинской истории и идеям украинской региональной автономии» [57: 8]. Утверждая, что «особенно активную проукраинскую деятельность монархисты развернули на территории смешанного польско-украинского пограничья», Федевичи пишут: «...православные священники, черносотенцы и монархисты были среди главных национальных будителей украинских крестьян и мещан на Волыни, Подолье, Холмщине, Подляшье и Берестейщине» [57: 13]. В связи с этим представляется крайне важным провести контент-анализ церковных периодических изданий, адресованных как православному духовенству, так и крестьянству данного региона и обратить внимание на то, как именно и с какой целью украинская тематика использовалась на их страницах для национально-патриотического воспитания местного населения. Поскольку Киевская губерния в этом отношении лучше изучена исследователями [29], в рамках данной публикации имеет смысл остановиться на двух других губерниях края – Волынской и Подольской, ведь, как утверждается в монографии Федевичей, «совсем не случайно Волынь и Подолье, где до 1914 года черносотенцы были единственной массовой политической силой в среде украинского крестьянства, в 1918–1920 годах стали опорными территориями образуемого украинского государства» [57: 14]. Кроме того, подходы к проблематике, вынесенной в название статьи, на Волыни и Подолье заметно отличались, что также дает основание к изучению и сопоставлению местных практик.

На Волыни церковную позицию в вопросе национально-патриотического воспитания масс выражали официальные «Волыньские епархиальные ведомости», издания Почаевской лавры – «Почаевский листок» и «Почаевские известия», а также газета «Волыньская земля». Все они с 1902 по 1914 г. находились под контролем архиепископа Волынского и Житомирского Антония (Храповицкого), известного своими правомонархическими взглядами [24], а затем, с мая 1914 г., под присмотром владыки Евлогия (Георгиевского), являвшегося членом Главного совета партии русских националистов – Всероссийского национального союза. Большую роль в определении направления этих изданий также сыграл архимандрит Почаевской

лавры Виталий (Максименко) – председатель Почаевского СРН, бывший в 1904–1907 гг. редактором официальной части «Волынских епархиальных ведомостей», «Почаевского листка» (1905–1910 гг., с 1910 г. – редактор-издатель, в 1911–1914 гг. – издатель), «Почаевских известий» (1906–1909), издателем и редактором «Волынской земли» (1912–1915) [25].

Украинская проблематика на страницах этих изданий занимала отнюдь не центральное, но важное место. Поддерживая СРН и выражая по национальному вопросу программу данного черносотенного союза, церковные СМИ Волыни постоянно акцентировали принадлежность этого края к России, а его коренных жителей – к русским. Так, например, в одной из статей «Почаевского листка» подчёркивалось, что «население юго-западного края состоит преимущественно из трех элементов: русского, польского и еврейского», при этом «главной частью» населения в крае являются «русские крестьяне» [58: 7–8]. Архимандрит Виталий, обращаясь к волынским крестьянам, называл их русскими людьми [10: 1]. Другой автор «Почаевского листка» зывал к землякам как к «людям русским, православным», «православному русскому народу», именовал Волынь «древнерусским краем», характеризовал Москву как «единокровную» и приветствовал слияние всех русских людей в «единую неделимую Россию» [21: 1–2]. В статье, посвящённой событиям 1654 г., делался акцент на том, что это было воссоединение Малороссии и Великороссии, а не присоединение Украины к России. «Вся история Малороссии ясно показывает полную её однородность с остальной Россией, – говорилось в публикации, – поэтому странным было бы говорить о “присоединении” ее, когда мы имеем здесь типичный случай “воссоединения”. Можно говорить о присоединении Кавказа, Финляндии, Туркестана, ибо тут присоединяется нечто новое, чуждое, раньше не бывшее в связи с Русью. Один термин “воссоединение” даёт читателю, а тем более учащимся, весьма выразительное и вместе с тем исторически правильное выражение того исторического процесса, который так картинно проявился на Переяславской раде 8 января 1654 года. Ибо термин *воссоединение* знаменует соединение *вновь* таких частей, которые некогда составляли неразрывное целое» [63: 15].

Показательно, что волынские издания, как правило, избегали использования слова «украинцы» и его производных в позитивном ключе, предпочитая ему термины «малороссы», когда надо было подчеркнуть особенности местного населения (см., например, воззвание архимандрита Виталия «Братья малороссы!» [7: 1]), и «русские» (когда речь шла о религиозном, культурном и политическом единстве малороссов и великороссов). Термин «украинцы» нередко

имел негативную коннотацию, обозначая противников общерусского единства, сторонников автономной или независимой от России Украины, часто являясь синонимом к слову с однозначно негативным значением – «мазепинцы». При этом слово «Украина» для обозначения края использовалось в нейтральном и позитивном значении довольно часто. В позитивном ключе могли также употребляться слова «Україно-ненька», «Вкраїна», «Вкраїнонька», но опять-таки в значении русского края. Так, например, стихотворение «Що діється на Вкраїні» заканчивалось следующими строками: «З Царем, з Русью будем жити / И Бога хвалити!» [31: 19]. Как пояснял один из авторов «Почаевского листка», Украина «значит Малороссия, Окраина» [15: 10]. Но в некоторых публикациях Волынь противопоставлялась Украине. Так, например, неизвестный автор «Почаевского листка» писал: «Резкий, очень резкий дух Волыни сравнительно с Украиной» [14: 10]. Но и в этом случае слово «Украина» не имело негативной коннотации. Как раз напротив, сравнивая Волынь и «украинский» Киев, куда переехал автор статьи, он писал про этот древний город: «...я приехавший сюда, чувствовал себя как бы в Москве», и выражал удовлетворение, что здесь гораздо легче «служить русскому делу» [14: 10].

В одной из публикаций «Волынских епархиальных ведомостей» приводились слова обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера, который, обращаясь с назидательным словом к житомирским семинаристам, поучал их: «Мазепинцы... желают отторгнуть от единства России всю её Юго-западную часть: Волынь, Киевлянину, Подолию и другие обл[асти]. Они стараются доказать, что есть какой-то украинский народ, который имеет право на политическую самостоятельность. Я знаю прекрасные малороссийские песни, полные поэзии... но ни одна из них не дышит той злобой и ненавистью к России, которую питают к ней враги её мазепинцы» [1: 785]. В статье, посвящённой Т.Г. Шевченко, особо подчёркивалось, что, говоря о kobzare, «невозможно умолчать о братоубийственном мазепинском движении, знаменем которого стало имя названного поэта» [46: 126]. «Движение это, – отмечалось далее, – основывается на разжигании вражды между малороссами и великороссами, которые будто бы представляют (вопреки всем данным истории и филологии) два совершенно различных народа» [46: 126]. В другой публикации, направленной на воспитание национального общерусского единства на примере полтавцев И.И. Искры и В.Л. Кочубея, сообщивших Петру I о готовящейся измене гетмана И.С. Мазепы, отмечалось: «В настоящее время, когда сепаратические стремления разных народностей стараются поколебать исторически-сложившийся уклад и единство Русского государства, когда каждая маленькая народность, с территорией не более уезда, стремится к

политической автономии, когда даже среди единокровных с великороссами малороссиян появляются утопичные мечтатели о самостоятельной малороссийской республике, – поучительно и благовременно вспомнить о подвиге двух святых мучеников из малороссиян, своею кровью запечатлевших свою верность и преданность Престолу и Помазаннику Божию, явивших пример высокого патриотизма, пример, подобный подвигу бессмертного Ивана Сусанина» [28: 385]. Издание особо подчёркивало, что «спасение и благо Малороссии – не в республике с президентом Мазепою... не в эфемерных “привилегиях” Речи Посполитой, под гнетом которой слишком 200 л[ет] мучилась Украина; не в турецком подданстве, неволя которого хорошо была знакома украинцам; а в единении, в политическом слиянии с единокровной и родной нам Россией...» [28: 386]. В конце статьи высказывалось пожелание, чтобы 200-летний юбилей со дня «мученической кончины двух выдающихся представителей Украины... пострадавших за верность и преданность России», не прошел незамеченным «среди русских людей», для чего необходимо в церквях и школах рассказывать простому народу об их поступке, казни и «подлой измене мучителя их Ив. Мазепы» [28: 386–387].

В «Почаевском листке», ориентированном на менее притязательную публику, публиковались многочисленные вирши, в которых мазепинство представлялось в крайне неприглядном виде. Так, например, стихотворение «Сон мазепынца», повествующее о мечтах последнего прогнать «з неньки Украины» всех «кацапив», оканчивалось следующими строками: «Сука йому морду мые, / А свинья торкае: / Вставай, вставай, мазепынець, / Вже добре свитае. / Вставай, вставай, мазепынець, / Солнце вже с полудня / А ты лежишь у колюжи, / Стерво ты паскудне!» [53: 6]. В более художественном стихотворении «Горе Украйны», написанном на литературном русском языке, прославляя красоты родного края и подвиги предков, автор, обличая мазепинцев, писал: «Минула слава прежних дней. / Спят вечным сном герои Сечи. / Им не открыть своих очей, / Им не узреть позор детей, / Не услышать родимой речи! / Искажена родная речь. / Потомки ж славного Богдана, / Героев прежних грозных сеч, / Против России точат меч / И стали наймитами пана. / Забыв отцов завет святой, / Они врагам лишь верят слепо, / По их стопам бегут толпой, / Сподвижник Карла их герой, / Веками проклятый Мазепа. / Вот жребий родины моей... / И плачет, плачет Украина... / Она дождалась тяжких дней: / Она должна казнить детей, / Как Бульба сгубленного сына!» [17: 15].

Во время Первой мировой войны проблема мазепинства обострилась и количество публикаций, ей посвящённых, увеличилось. Приведем слова императора Николая II, сказанные во время посещения им

весной 1915 г. занятого русскими войсками Львова: «Да будет единая, могучая, нераздельная Русь!», «Почаевский листок» характеризовал их как наступление конца «гноусной работе мазепчуков на Руси» [32: 2]. Публикацию иллюстрировала карикатура, изображавшая мазепинца, отпиливающего сук с общерусского дерева, на котором он сам сидел и подписью: «Довольно, Каин, оставь свою работу: Русь нераздельна». Мазепинцы обвинялись в том, что они обманывают простой народ рассказами о том, что «москали насильно захватили Украину» и установили на ней «неволю горшую татарской»; желают «все земли от Карпат до Урала и Кавказа выделить в особое царство “Самостийную Украину” под покровительство Австро-Венгрии»; в переписывании русской истории на свой лад; в том, что «выдумали особую непонятную для простого народа мову, только бы больше разниться от прочих русских людей, и нашли для себя национальную веру – «выдуманную 300 лет тому назад унию», а также в страстном желании «вытравить саму русскую душу, чтобы отколоть навсегда многомиллионную ветвь от русского дерева и потопить ее в немецком море» [32: 2–3]. Среди самых горячих сторонников «придуманного немцами мазепинства» назывались «наивные сельские учителя, студенты, гимназисты». Также отмечалось, что «мазепинством, как модным нарядом, любили в последнее время щеголять всякие деревенские панычи и подпанки в сивых шапках с малопонятною жидовско-польскою мовою» [32: 3]. При этом в качестве синонима к термину «мазепинцы» в публикации использовалось слово «украинцы». В конце редакционной статьи провозглашалось: «Мазепинство должно исчезнуть. Его роль закончена. В истории оно оставит после себя память гноусной и подлой измены и предательства. На нем кровь брата, пролитая за сребреники, и эта кровь вопиет к Небу. <...> Мазепинство должно сгинуть с лица русской земли, а имя его всегда будет символом измены, предательства и братоубийства!» [32: 4].

При этом весьма показательно, что даже украинским сепаратистам – мазепинцам, церковные издания Волыни не отказывали в «русскости». «Русские иуды-мазепинцы», «русские братоубийцы-мазепинцы», «наши заблудшие братья-мазепы» – эти и подобные им словосочетания были широко распространены в церковной прессе Волыни [26: 227; 32: 1; 42: 175; 62: 375–376], которая, решительно осуждая это явление, пыталась взывать к отщепенцам, оставляя им возможность исправления и возвращения в лоно общерусского народа. В одной из публикаций «Почаевского листка», посвящённой положению дел в Галиции и носящей говорящее название «Вражда братьев», отмечалось, что австрийское правительство, придерживаясь принципа «разделяй и властвуй», сеет вражду при помощи поляков

между двумя частями русской народности: украинцами (мазепинцами) и русскими галичанами, «не желающими топтать заветов отцовских, верных вере православной, родному языку и обычаям (так называемыми русофилами или москвофилами)» [4: 11]. «Подобно тому, как у иудеев самая лютая ненависть была к ближайшим по вере и крови самарянам, – отмечалось в другой статье, – так мазепинцы всею душою ненавидят все русское» [32: 2].

Нередко на страницах «Волынских епархиальных ведомостей» публиковались высказывания по национальному вопросу на Украине видных русских националистов. В перепечатанной из «Нового времени» статье известного публициста М.О. Меньшикова говорилось, что Волынь – «это и счастливейший и несчастнейший русский край, одновременно одарённый природой и жестоко обиженный политикой», поскольку «после многовекового польского гнёта русский народ здешний попал в тяжёлую кабалу жидам и немцам и теперь бьётся в отчаянии и, может быть, в предсмертных судорогах». «Не считайте это преувеличением, – писал Меньшиков, – речь в самом деле идёт о существовании русского племени на территории, занятой русскими ещё задолго до основания государства» [37: 13]. В другой публикации приводились слова руководителя Киевского клуба русских националистов (ККРН) А.И. Савенко о знаковой для Волыни Берестецкой битвы (1651 г.)¹, в ходе которой запорожские казаки под водительством гетмана Богдана Хмельницкого потерпели поражение от польско-литовского войска. «Малорусские казаки отстаивали русскую народность в исконно-русском крае, – подчёркивал Савенко. – Волна польско-католического натиска поднялась было очень высоко и готова была залить и потопить на Украине все русское, все православное. <...> На защиту русской народности поднялся народ, заметьте, только народ. Здесь в особенно яркой форме произошло то, что я недавно отмечал в качестве характерной черты, проходящей чрез всю русскую историю: в часы, когда решалась участь русского государства и русского народа, наша аристократия в громадном большинстве или безвестно исчезала, или оказывалась на стороне врагов родины. На Украине это явление выразилось еще резче» [54: 499]. В другом выпуске издание знакомило читателей с брошюрой профессора Киевского университета св. Владимира, почетного члена Киевской духовной академии, члена ККРН, психиатра И.А. Сикорского, в которой указывалось, что «украинофильское движение» пользуется популярностью «только среди левой нашей интеллигенции, принадлежащей по своему происхождению преимущественно к ветви южнорусского населения». При этом движение это называлось «малопопулярным» и недостаточно сильным, чтобы оно «могло серьезно грозить един-

ству и целостности России». «В провинции, – отмечалось в публикации... об украинстве мечтают самые жалкие кружки преимущественно из молоденьких гимназисток, да гимназистов. Но об украинстве совершенно не имеет понятия простой народ юга России; затем, ему не сочувствует вся правая по своим политическим убеждениям часть южнорусской интеллигенции; умеренно-конституционные элементы ей тоже не сочувствуют, или, если и сочувствуют, то очень мало» [16: 508]. Также показательно, что в статье «Почаевского листка» с говорящим названием «О национализме» содержалась пропаганда именно русского национализма [39].

В некоторых случаях, правда, слово «украинцы» и его производные могли иметь нейтральную коннотацию. Так, например, в статье, посвящённой Г.С. Сковороде, философ именовался «нашим украинским мудрецом» [50: 514], однако очевидно, в данном случае речь шла не столько о характеристике его национальности, сколько о территориальной принадлежности, о чем красноречиво говорил заголовок статьи – «Русский философ 18 века Григорий Саввич Сковорода».

Особое внимание на страницах волынских церковных изданий уделялось проблеме народного языка. Местное наречие, на котором общались волынские крестьяне, заметно отличалось от литературного русского языка, поэтому перед духовенством вставал вопрос о том, каким языком пользоваться в крае для церковной проповеди и народного просвещения. В статье неизвестного духовного лица, укрывшегося за инициалами А.М., ставился вопрос: на каком языке пастырям следует поучать волынскую паству – «на русском, или малорусском»? Сделав существенную оговорку, что, высказываясь о малорусском языке, он не имеет в виду мазепинства, священник отмечал, что затрагивает этот вопрос не для того, чтобы угодить национальному чувству, а исключительно с точки зрения большей доступности понимания церковной проповеди для слушателей. По словам автора статьи, его многочисленные беседы с приходскими священниками показали, что между ними нет единства мнения по данному вопросу: «Одни страстно защищают малорусский язык и необходимость произношения поучений только на нем; другие, наоборот, восстают против малорусского языка и доказывают, что произносить проповеди нужно только по-русски. В последнем случае обыкновенно указывают, что народ наш далеко не сочувствует малорусскому языку в проповеди; говорят, что народ даже обижается, когда ему произносят проповедь по-малорусски; народу будто бы неприятно, когда проповедь во время богослужения говорится на том же языке, какой он привык употреблять в житейском обиходе. <...> В свою очередь защитники малорусского языка ссылаются на

то, что проповедь, произнесённая по-русски, не достигает цели, так как народ её не понимает» [3: 463]. В связи с этим автор публикации предлагал не впадать в крайности. Отмечая, что на Волыни невозможно произносить крестьянам поучения «на чистом великороссийском наречии», поскольку «целый ряд предметов и вещей называется у великороссов так, что наш народ не поймет даже, о чем речь идёт», пастырь вместе с тем констатировал, что и проповедь, произнесённая полностью на малороссийском наречии, едва ли возможна, так как «нельзя многих предметов, новейших, возвышенных передать и по-малорусски» [3: 463]. При этом версию украинского языка, предлагаемую М.С. Грушевским и мазепинцами, автор статьи решительно отвергал как «выдаваемую за малороссийский язык белиберду» и «польско-малорусское эсперанто, которого не понимают часто самые наиприроднейшие малороссы» [3: 463–464]. Поэтому, делал вывод автор публикации, чтобы быть понятной и доступной простому народу и в то же время не утрачивать своей возвышенности, церковная проповедь на Волыни должна произноситься по-русски, «но не чистым великороссийским языком, а таким, который бы был понятен нашим малороссам. А для этого, говоря поучение по-русски, нужно все названия предметов и вещей произносить по-малорусски, исключая, разумеется, таких, которые и по-русски понятны нашим прихожанам» [3: 464].

Весьма примечательна в этом плане и заметка, в которой сообщалось, что некий священник села Браги Каменецкого уезда Подольской губернии на запрос о сборе средств на своём приходе на памятник Шевченко ответил киевскому городскому голове: «Жертвователей не нашлось: языка, выдуманного добродием Грушевским, здесь никто не понимает. Полагаю, что памятник Шевченко в Киеве, матери городов русских неуместен, ибо Киев есть колыбель России и о “самостийности украинского” народа, как отдельного от русского государства, никогда не думал. Пишущий эти строки сам малоросс, с молоком матери усвоили малороссийскую речь, выдуманный же паном Грушевским письменный есть пародия на малороссийский язык, его малороссам ни читать, ни понимать. Выдумка этого языка есть чисто политическая цель» [27: 45]. Правда, в отношении личности и творчества Шевченко волынские церковные издания не всегда высказывались негативно. Так, черносотенный «Почаевский листок» отмечал: «Нам не дорог Шевченко как украинофил или мазепинец, потому что основанное им всеславянское общество ставило неисполнимые и сумасбродные задачи <...> Шевченко нам дорог как поэт Украины вполне самобытный и национальный» [44: 17].

При этом важно отметить, что волынская церковная пресса, вклю-

чая черносотенные листки, нередко публиковала на своих страницах материалы, присланные читателями, а также стихи и заметки для простого народа, написанные на привычном в этом крае разговорном языке – суржике [12; 23; 30; 34; 48; 52; 64].

Решительно отвергая украинский национализм, «Волынские епархиальные ведомости» вместе с тем выступали и против «перегибов» русского национализма. Когда во время Первой мировой войны, в ходе которой мазепинство заметно усилилось, стали раздаваться отдельные голоса против каких бы то ни было народных особенностей Малороссии, включая колядки, издание встало на их защиту, указывая, что только невежды могут видеть в колядках признаки мазепинства и считать их исключительным достоянием Украины [13: 119]. На страницах «Волинских епархиальных ведомостей» достаточно часто подчёркивался вклад Украины в общерусскую культуру [51].

Отдельное внимание в ходе национального воспитания масс и освещения украинского вопроса в церковных изданиях Волыни уделялось жившим в Прикарпатье и Галичине русинам. Термин «русины» при этом употреблялся довольно редко [45], чаще речь шла о «прикарпатских русских», «червоноруссах», «русских людях», «русском народе» [41], оказавшихся под властью религиозно и национально чуждой Австро-Венгерской империи. Более того, выражалось возмущение, что «польскими усилиями», нацеленными на разрушение общерусского единства, галицкие русские «были превращены» в рутенов [36: 4–8].

«Почаевский листок» приводил на своих страницах слова известного карпато-русского церковного и общественного деятеля И.Я. Луцыка (будущего игумена Иерофея): «Галичина – область страданий, Галичина – область мучительной борьбы за честь святого Богочестия, за честь русского имени, за честь и право великого, неделимого русского народа» [35: 30]. В волинских изданиях нередко публиковались тексты активного участника русского движения в Австро-Венгрии поэта из Галиции Д.Н. Вергуна [8], который в одной из своих статей просвещал жителей Правобережной Украины, что на границах с нею «живет до шести миллионов русского населения», не утратившего, «несмотря на шестивековое отторжение его от русского корня... сознания своей принадлежности к русскому миру». «Идея национального “украинского” сепаратизма захватила только небольшую горсть местной полуинтеллигенции, зависевшей тем или иным образом от венского и будапештского правительств. В толщу населения идея сепаратизма не проникла еще, и успехи, которыми так гордились “мазепинские” деятели, объясняются экономической подкладкой», – заверял Вергун [9: 603]. Обличая мазепинство, «Волынские епархи-

альные ведомости» писали: «Наибольшую силу это движение имеет в Австрии, где оно поддерживается польскими и немецкими властями. Вражда “украинцев”-мазепинцев к русским галичанам, желающим остаться русскими, доходит до того, что первые лишают последних возможности учиться, разрушая их учебные заведения, а в последнее время не постыдились даже воспользоваться охватившим Галицию голодом, противодействуя оказанию помощи русским галичанам: в то самое время, когда происходило соглашение “украинцев” с поляками, польский наместник Галиции закрыл комитет, организовавшийся для спасения русских галичан от голода. Ненависть ко всему русскому “украинцы” простирают даже на православную веру, за которую их предки в течение столетий проливали кровь свою...» [46: 126–127]. Издание приводило слова одного из приехавших с Галичины на Холмщину гостей, который сообщал, что у них «злее немцев, жидов и поляков является свой брат – русский, который называется украинцем». «...Этим украинцам, – говорилось далее, – поляки и немцы дают большие деньги, чтобы только разделить русский народ, чтобы он не был одной силой, и они достигли почти этого. Поляки пустили брата на брата. Но пусть сажают нас в тюрьмы за православную веру и за то, что мы называемся русскими, – мы останемся русскими, а теперь и целые села у нас переходят в православие и чем больше нас будет в австрийских тюрьмах, тем больше будет твердеть наш дух и расти русское дело...» [49: 793].

В другой статье, рассказывая о положении дел в Галиции, автор епархиального издания также указывал на украинцев как на главного противника русского православного движения, отмечая, что украинство создано Ватиканом, поляками и австрийцами, «чтобы содействовать распространению католичества на Юге России и вербовке российских украинцев для целей австрийской политики» [19: 795]. Касаясь процессов, возбуждённых австро-венгерскими властями в отношении пророссийски настроенных галичан, «Волынские епархиальные ведомости» ставили в один ряд врагов русского народа (т. е. русинов) австрийцев, мадьяр, поляков, евреев и особенно украинцев, подразумевая под последними исключительно «мазепинцев» [20: 872].

«Прискорбнее всего, – писал “Почаевский листок” о польском влиянии в Галиции, – что поляки из украинцев сделали каких-то хамитов, возненавидевших Русь и, подогревая их мечтами о какой-то самостоятельности Украины в параллель своим – о восстановлении ойчизны от моржа до моржа, травят ими родных братьев – галичан, вносят раздор между отцами и детьми, подвергают их целому ряду незаслуженных унижений и оскорблений» [4: 11]. Сам же процесс

становления украинцев трактовался изданием как «ополячивание русских». «Посмотрите на работу украинцев в Галиции. Они все силы свои употребляют на фабрикацию из русских крестьян крайноманов, являющихся переходной ступенью к полному ополячиванию. Шлют прошения архиереям запретить принимать в духовные семинарии “кацапов”, постановляют, чтобы священники-мазепинцы бойкотировали своих соседей священников-кацапов <...> Идут они вместе с поляками против русского народного языка. Во чтобы то ни стало хотят навязать измышлённый, ломаный, украинский язык, которого никто не понимает, только затем, чтобы вырыть разделение между русскими. <...> Насильно заставляют учить язык, новоизобретённый, ненужный и не имеющий за собой прав в истории народа. <...> Украинцам важно одно. Пусть народ забудет свой родной язык, пусть исчезнет даже память о принадлежности к великой русской нации!» [4: 11–12]. Украинизаторы однозначно трактовались «Почаевским листком» как враги единого русского народа, родные братья-иуды, «желающие, во что бы то ни стало отделиться от одного генетического ствола – великороссов, белоруссов и малороссов – Руси единой» [4: 12]. «Украинофильство, – писал “Почаевский листок”, – не принесло и не может принести ничего доброго Украине, оно только может посеять раздор между малороссами и повести их к борьбе взаимно ослабляющей силы обеих партий, пример чего у нас недалеко, в Галиции» [44: 17]. Обличая «язву украинства», издание в заключение давало следующий прогноз последствиям, к которым она рано или поздно приведет: «Идя на поводу у поляков, получающих внушения от австрийского правительства, украинцы с усердием, достойным лучшей участи, рубят сук того дерева, от которого они произошли и соками которого взрощены. Какую же они себе готовят будущность? В лучшем случае – оставаться политической партией в руках поляков, натравляемой на своих же братьев-галичан-русских (какая подлая роль), – в худшем – потерять на веки свою национальность и потонуть в немецком море» [4: 12].

Иначе обстояли дела в Подольской епархии. Местный архиерей Парфений (Левицкий), возглавлявший подольскую кафедру с 1904 по 1908 г., был уроженцем Полтавской губернии, отличался особым благорасположением к украинской культуре и языку, был редактором издания украинского перевода Четвероевангелия и даже стал почётным членом подольской «Просвиты» [55: 356–388; 57: 246]. При этом, несмотря на свои украинофильские взгляды, епископ Парфений стоял на правых монархических позициях и поддерживал СРН [40: 18]. В 1907 г. он выпустил воззвание, в котором призывал выбирать в Государственную думу «людей стоящих за самодержавие и единую,

неделимую, русскую Россию» [56: 3]. Видный деятель черносотенного движения, депутат III Государственной думы В.А. Образцов так характеризовал епископа: «Преосвященный Парфений – смиренный монах, благостный архипастырь. По происхождению он полтавец, чистокровный малоросс. Он великий почитатель Гоголя, любитель украинской старины, глубокий знаток чистого (а не выдуманного) малороссийского языка. <...> И как естественная любовь к своей семье служит основанием любви к своему обществу и государству, так и “украинофильство” преосвященного Парфения служит только твердой основой его любви к единой св. Руси, одному великому русскому народу и одному самодержавнейшему его государю» [40: 18–19]. Поддерживая Союз русского народа и идею общерусского единства, подольские церковные издания, в отличие от волынских, вместе с тем вели пропаганду украинской культуры и языка. Большую роль играл и редактор официального рупора епархии журнала «Православная Подолия» протоиерей Е.И. Сецинский. Историк, археолог, видный культурный деятель Подолья, священник Сецинский также активно продвигал малороссийскую культуру, подчеркивая, что краю нужно народное издание на «местном украинском языке» [11: 56]. Позже, в годы Гражданской войны, он стал основателем «Украинского клуба» в Каменце-Подольском. Как отмечают Федевичи, «с точки зрения анализа украинского характера монархизма ситуация на Подолье была особенно интересна. В епархии и её печатных органах доминировали откровенно украинские настроения. <...> Часть участников монархического и черносотенного движения одновременно были сторонниками украинских постепенцев» [57: 35].

«Православная Подолия» отмечала, что будет публиковать на своих страницах материалы для простого народа на «местном малорусском языке» – «небольшие статейки назидательного и повествовательного характера, а также беседы нравственно-религиозного и церковно-общественного содержания», которые были бы «вразумительны для нашего подольского простого народа и служили бы материалом для священников при их беседах с народом, если бы кто из них желал воспользоваться местным языком» [6: 70]. Свою позицию журнал объяснял тем, что «подольскому малороссу более понятна речь малорусская, чем общелитературная, великорусская» [6: 70]. Доводы, что местные крестьяне вполне понимают русский литературный язык, редакция журнала не принимала, указывая, что «если говорить к народу на русском (т. е. общелитературном) языке, то малоросс кое-что поймёт, поймёт отдельные слова и некоторые выражения», но русская речь не будет иметь «надлежащее действие на ум и сердце народа» [6: 70]. Отмечая, что с украинского языка сняты «опала» и «печать

неблагонадежности», издание ратовало за перевод на него Евангелия [6: 71]. А один из авторов «Православной Подолии» священник А. Гриневич благословлял Господа «за счастье читать Его Святое Слово на родном украинском языке» [18: 6].

Весьма показателен в этом плане «Подольский народный катехизис», опубликованный в церковном издании в 1906 г. Раздел «Русская народность» («Руська народність»), опубликованный на украинском, сообщал подольским крестьянам, что они славяне и «русские», разъясняя, что русские делятся на великороссов, малороссов и белорусов. При этом несколько раз особо подчеркивалось, что малороссы – это украинцы, что говорят они на своей «мове», которая называется «малоруська, чи українська», а русским языком как государственным пользуются для чтения законов, обучения в школе и чтения книг [47: 7–8].

В другой публикации утверждалось, что преподавание «на государственном общерусском, или великорусском языке» мешает пробуждению «искренних и живых симпатии народа к школе» и, что «украинскому народу» необходим в школе местный язык [2: 267]. «Великорусский язык не есть родной язык малороссиян: он чужой для них и почти непонятен, – заявлял автор статьи. – Достаточно признать эту мысль, и современная школа в Малороссии окажется явлением до крайности несостоятельным: это – школа без родного языка учащихся, которая к тому же... учит грамотности на чужом языке...» [2: 269]. Утверждая, что справедливость заявления, что русский язык не является для малороссов родным, покрепляется «десятками миллионов фактических доказательств», автор публикации решительно отвергал доводы сторонников взгляда, согласно которому малороссийская мова есть лишь русское наречие. «Найдёт ли учёный, что украинский язык – “хохлацкий” диалект, признает ли, что это один из культурных и оригинальных языков, укажет ли он ему иное какое-либо место в ряду славянских языков и наречий, но тот факт, что два десятка миллионов не признали великорусский своим родным языком, а таковым назвали малорусский язык, остаётся в полноте своего значения, заставляя нас сделать вывод, что в *современной школе на Украине* (и в частности – на Подолии) *родной язык не изучается*» [2: 269–270]. Конечно, данная статья выражала лишь частное мнение, но показательно, что в официальном церковном издании публиковался материал, называющий государственный язык империи чужим и столь отчётливо проводилась линия разделения между русским и украинским языками. И очевидно, что эта линия поддерживалась архиереем и местным духовенством, которые в 1907 г. приняли решение о преподавании в церковно-приходских школах на украинском языке (но не смогли осуществить это намерение из-за противодействия Св. Синода) [57: 80].

В отличие от волыньских церковных изданий, в которых слово «украинец» обычно использовалось в негативном значении, «Православная Подолия» употребляла его исключительно в позитивном ключе. Называя население края русским и православным, издание часто указывало, что местное население представляет собой особую ветвь русского народа, имеющую свой язык, обычаи, нравы [43: 1024]; постоянно подчёркивало, что малороссы – это украинцы. При этом слова «мазепинцы» и «украинофилы» не использовались вовсе. Если кого издание и считало отщепенцами, то только малороссов-католиков, которые встречались в Каменецком, Проскурковском и Летицком уездах. Но и по отношению к ним православное церковное издание было весьма лояльно. «Где бы мы ни обратили внимание на этих католиков, везде мы увидим, что это те же малороссы, или украинцы, как и вся сплошная масса сельского населения. Говорят они дома малорусским языком, причём некоторые, при разговоре вставляют исковерканные польские слова, чтобы показать, что они не простые мужики <...> Быт их, обычаи и нравы ничем не отличаются от их односельчан. <...> Православные и католики не чуждаются друг друга, и смешанные браки между ними не редки» [22: 1096–1097].

Впрочем, после того как в 1908 г. владыку Парфения сменил епископ Серафим (Голубятников) – видный деятель русского монархического движения, остававшийся на подольской кафедре до мая 1914 г., акцентирование украинской специфики в официальном епархиальном издании существенно снизилось, а связи с почаевскими черносотенцами, наоборот, укрепились. Однако то обстоятельство, что подольское крестьянство массово записывалось в СРН, мало что говорило о его национальных чувствах и самоидентификации. Как не без оснований отмечало «Русское слово», крестьяне, вступая в ряды черносотенного союза под влиянием почаевских прокламаций, тешили себя надеждами, что «каждому члену “союза” будет нарезано по шести десятин земли», а когда эти надежды не оправдались, «они перестали носить значки “союза”» и стали задумываться о выходе из него [33: 4]. На то, что крестьяне Правобережной Украины, Подольской, Волынской, Киевской губерний больше руководствовались социально-экономическими мотивами, нежели национальными, обращал внимание и В.В. Шульгин. «Хотите, – писал он, – чтобы завтра три четверти Киевской или Волынской губернии обратилось в китайцев? Так это очень легко сделать. Объявите, что все китайцы получают по 25 десятин на душу. И можете быть уверенными, что хохлы, почесавши затылки, заявят: “Хочь мы китайцами зроду не були, але ж як начальство требує, щоб мы буллы китайцами, то мусимо буты... *Бо земля наша!*”». «Эту историю, – отмечал Шульгин в 1919 г., – в свое

время проделали украинцы. Они заявили деревне, что только тот получит землю, кто украинец. И хотя хохлы об “Украине”, например, в Волынской губернии, никогда и не слышали, тем не менее, решили единогласно: “Треба приставаты до цей “Вкраїни”... *бо земля наша!*” За несколько лет до этого вся Волынь записалась в “Союз русского народа”. Увидев, что от “лицомеров” (революционеров) ничего не получишь, они решили единогласно пристать к Союзу, ожидая от него чего-то... “*Бо земля наша!*”» [60: 476]. О том же писала в своих воспоминаниях и супруга Шульгина. «Собственно говоря, – отмечала Е.Г. Шульгина, – крестьянство смотрело на свое вступление в Союз русского народа больше всего с той точки зрения, что это какие-то учреждения, через которые можно добраться до царя и от него получить землю. Интересно, что когда я в 1917 году приехала на Волынь, то крестьяне говорили мне, что “Украина” – “це така наша спілка”, в которую если запишешься, то получишь землю здесь, а если не запишешься, то земли здесь не дадут, а нужно куда-то выселяться. Так что “Украина” и Союз русского народа воспринимались ими в одной плоскости» [61: 63]. На это же обстоятельство указывает и современный историк, отмечающий, что политический и национальный «выбор» крестьянства Правобережной Украины в последующих событиях революции и Гражданской войны был, в первую очередь, связан не с тем, что они думали о национальном вопросе, «считали они себя украинцами, малороссами или русскими, хотели царя или республику, поддерживали новый строй или мечтали о возвращении старого», поскольку «жажда земли туманила их разум и уводила на второй план все остальное» [59: 601].

Таким образом, несмотря на то что подход к национальному воспитанию крестьянских масс на Волыни и Подолии заметно отличался, итог оказался одинаковым. Представляется, что малограмотные крестьяне Правобережной Украины в плане национального самоопределения представляли собой в начале XX в. «податливую глину», из которой, при целенаправленном воздействии пропагандисты могли вылепить что угодно. Под воздействием Почаевской лавры и СРН они превращались в «истинно русских людей», под влиянием украинской пропаганды – в щирых украинцев. Каждое из этих «обращений» зависело от ряда факторов: от талантов и умения пропагандистов, от их авторитета в народе, но главным, пожалуй, являлось то, насколько принадлежность к тому или иному сообществу позволяла крестьянину решить острые для него социально-экономические вопросы, на первом месте из которых стоял аграрный. При этом вывод К.К. и К.И. Федевичей о том, что черносотенцы на Правобережной Украине «открыто заявляли, что украинцы/малороссы есть отдельный народ

равно с другими славянскими народами, такими как поляки, чехи или сербы» [57: 14] и своими действиями способствовали формированию украинского движения, представляется все же ошибочным. Если в отношении Подолии этот вывод может быть частично принят (да и то с большими оговорками, поскольку епископ Парфений не являлся видным членом монархического движения, а его влияние на воспитание народных масс в этом регионе продолжалось лишь до 1908 г.), то для Волыни он будет в корне неверным. Как было показано на примере почаевских церковных изданий, волынские черносотенцы делали все возможное, чтобы привить местному крестьянству общерусское сознание и сформировать негативное отношение к политическому украинству. Отсылки в церковной прессе к историческому прошлому Малороссии, подчёркивание региональной специфики и попытки формирования у местных крестьян гордости за родной край не имели цели создать украинскую национальную идентичность и едва ли могли сыграть сколько-нибудь серьёзную роль в последующем самоопределении волынского крестьянства.

Примечание

1. Следует отметить, что, уделяя особое внимание Берестецкой битве в деле национального воспитания волынских крестьян, «Почаевский листок» писал: «Если б не берестецкая битва, то эти две части русского племени не соединились бы в один народ. Правда, наши “украинофилы” не смели бы тогда мечтать о своей “самостийности”, но зато не было бы тогда в нашем крае русских людей и не сохранилась бы в нем православная вера». Битва именовалась «голгофой малороссийского народа», а её итогом провозглашалось то, что «разорванный на две части русский народ после этого спаялся в одно неделимое царство» [38: 9]. В другой публикации подчёркивалось, что этой битвой малороссийский народ «купил свою кровью её соединение с Великороссией, спаял навечно две ветви единого могучего русского народа» [5: 5]. Подробнее см. работу Е.О. Ковалевой [65].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Н.О* пребывания В.К. Саблера в Житомире // Волынские епархиальные ведомости. 1913. № 43. С. 783–788.
2. *А.Г.* О родном языке в начальной школе // Православная Подолия. 1907. № 12. С. 265–272.
3. *А.М.* Беседа // Волынские епархиальные ведомости. 1912. № 22. С. 463–464.

4. А.С. Вражда братьев // Почаевский листок. 1911. № 3. С. 11–12.
5. Беседа о Берестечкой битве в пути к козацким могилам // Почаевский листок. 1911. № 20–21. С. 5–6.
6. Беседы пастыря с народом на местном языке // Православная Подолия. 1906. № 1. С. 70–72.
7. Братья малороссы! // Почаевские известия. [1908, сентябрь].
8. *Вергун Д.* За Русь! // Почаевский листок. 1910. № 46–47. С. 18.
9. *Вергун Д.* Прикарпатская Русь // Волинские епархиальные ведомости. 1914. № 36. С. 602–603.
10. *Виталий*, арх. [Редакционная статья] // Союзная библиотека (Бесплатное приложение к журналу «Почаевский листок»). 1912. № 16. С. 1.
11. Внесение протоиерея Евфимия Сециского в Епархиальный Съезд // Православная Подолия. 1908. № 6. С. 53–57.
12. *Войтюк Е.С.* Пьяныця // Почаевский листок. 1910. № 38. С. 8.
13. Волинская церковь пред лицом современной войны // Волинские епархиальные ведомости. 1915. № 8. С. 118–120.
14. Волинь и Киевщина. (Из письма волянянина) // Почаевский листок. 1912. № 4. С. 10.
15. *Г.Н. 17.* Мерзавцы // Почаевский листок. 1915. № 18. С. 10.
16. *Г.Б.* «Русские и украинцы» // Волинские епархиальные ведомости. 1913. № 28. С. 508–511.
17. *Голубович В.* Горе Украины // Почаевский листок. 1914. № 4. С. 14–15.
18. *Гриневич А.*, свящ. По поводу выхода в свет украинского перевода Св. Евангелия от Матфея // Православная Подолия. 1907. № 1–2. С. 2–6.
19. *Далибор.* Православное движение в Галиции // Волинские епархиальные ведомости. 1912. № 40. С. 794–796.
20. Два процесса за веру православную в Австро-Угрии // Волинские епархиальные ведомости. 1913. № 48. С. 871–872.
21. *Дроздович В.* Речь, сказанная в ночь с 24-го на 25-е мая на панихиде на Козацких могилах // Почаевский листок. 1912. № 39–40. С. 1–3.
22. *Е.С.* Подольские отщепенцы от Православной Церкви // Православная Подолия. 1910. № 50–51. С. 1089–1098.
23. *И.Г.* Щира порада // Почаевский листок. 1912. № 4. С. 7–8.
24. *Иванов А.А.* Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019. № 58. С. 58–78. DOI: 10.17223/18572685/58/5
25. *Иванов А.А., Ковалева Е.О.* Деятельность архимандрита Виталия (Максименко) на Волини: политический экстремизм или противодействие стихийному радикализму? // Вестник МГПУ. Серия Исторические науки. 2023. № 2 (50). С. 46–64. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04
26. Из жизни других епархий // Волинские епархиальные ведомости. 1916. № 23–24. С. 227–228.

27. Известия и заметки // Волынские епархиальные ведомости. 1911. № 2. С. 44–47.
28. К 200-летию со дня казни Василия Кочубея и Ивана Искры // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 385–387.
29. *Кальченко Т.В.* Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919). Историческая энциклопедия. Киев: Ин-терконтиненталь-Украина, 2014. 976 с.
30. *Кашубський В., свящ.* Битва під Берестечком // Почаевский листок. 1910. № 35. С. 10.
31. *Козлов М.* Що діється на Україні // Почаевский листок. 1910. № 13. С. 19.
32. Конец мазепинству! // Почаевский листок. 1915. № 15. С. 1–4.
33. Крестьяне-союзники // Русское слово. 1907. № 168. 22 июля (4 августа). С. 4.
34. Літом // Почаевский листок. 1910. № 26. С. 17.
35. *Луцьк И.Я.* Навстречу галичанам // Почаевский листок. 1911. № 29–30. С. 30
36. Меморандум (торжественное заявление) о притеснениях русского народа, его культурной и религиозной свободы в Галиции (Австрия) // Почаевский листок. 1912. № 38. С. 4–8.
37. *Меньшиков М.О.* Архимандрит Виталий // Почаевский листок. 1913. № 17. С. 12–16.
38. О козацких могилах // Почаевский листок. 1911. № 19. С. 7–10.
39. О национализме // Почаевский листок. 1910. № 52. С. 6–7.
40. *Образцов В.А.* Торжество русского объединения. Освящение «Народного дома» Екатеринославского отд. Союза русского народа 5 окт. 1910 г. Харьков: Мирный труд, 1912. 209 с.
41. Откуда взялись нерусские люди в древнерусской земле // Почаевский листок. 1910. № 25. С. 6.
42. *П.С.Ф.* Из жизни Галичины // Волынские епархиальные ведомости. 1915. № 11. С. 175–176.
43. Памяти митрополита Литовского Иосифа Семашко. (По поводу 40-й годовщины его смерти) // Православная Подолия. 1908. № 48. С. 1023–1027.
44. Памяти Т.Г. Шевченко // Почаевский листок. 1911. № 6. С. 17.
45. Песня русинов // Почаевский листок. 1910. № 5. С. 8.
46. Печать // Волынские епархиальные ведомости. 1914. № 8. С. 126–127.
47. Подольский народный катихизис I. Руська народність // Православная Подолия. 1906. № 4. С. 7–8.
48. *Полищук К.Л.* Осінні квіти // Почаевский листок. 1910. № 26. С. 17.
49. *Прокофьев В.* С праздника Холмской Руси // Волынские епархиальные ведомости. 1912. № 40. С. 792–793.
50. *Рафальский Г.* Русский философ 18 века Григорий Саввич Сковорода // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 28. С. 513–518.

51. Росписная пасека. (Археологическая заметка) // Волынские епархиальные ведомости. 1912. № 44. С. 1029–1040.
52. Семенюк И. Горилка вылькая згуба // Почаевский листок. 1913. № 3. С. 12.
53. Сон мазепынця // Почаевский листок. 1912. № 41. С. 5–6.
54. Среди газет и иноепархиальных изданий // Волынские епархиальные ведомости. 1910. № 27. С. 499–500.
55. Стародуб А.В. Листи єпископа Парфенія (Левицького) до Ореста Левицького та Єлисея Трегубова як джерело до вивчення історії видання українського перекладу Євангелія // Український археографічний щорічник. Київ, 2002. Вип. 7. С. 356–388.
56. Телеграммы наших корреспондентов // Русское слово. 1907. № 300. 31 декабря (1908. 13 января). С. 3.
57. Федевич К.К., Федевич К.І. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархисти і український національний рух (1905–1917 роки) / пер. з рос. К. Демчук. Київ: Критика, 2017. 308 с.
58. Хацаюк Т. Мотивы о предоставлении преимуществ населению русского происхождения при введении в шести юго-западных губерниях земского положения // Почаевский листок. 1910. № 35. С. 7–8.
59. Чемакин А.А. Куда исчезли черносотенцы? Электоральная статистика как источник для исследования национальной идентичности украинского крестьянства в начале XX в. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 592–605. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.305>
60. Шульгин В.В. «Белые мысли». Публицистика 1917–1920 гг. / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и ком. А.А. Чемакин. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 752 с.
61. Шульгина Е.Г. Конспект моих политических переживаний (1903–1922) / подг. текста, предисл., ком. А.А. Чемакина. М.: Связь Эпох, 2019. 672 с.
62. Юркевич С.Г. Из жизни Галичины // Волынские епархиальные ведомости. 1915. № 24. С. 375–376.
63. Юшко В. Воссоединение или присоединение // Почаевский листок. 1914. № 2. С. 14–15.
64. Яворенко К. Новорічний гість // Почаевский листок. 1911. № 1. С. 10–12.
65. Kovaleva E.O. Reconstructing common historical memory: to the history of construction of the monumental temple at the site of the battle of Berestechko in 1651 // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности М.: АЛЕФ, 2023. С. 335–339.

REFERENCES

1. N. (1913) O prebyvanii V.K. Sablera v Zhitomire [About the stay of V.K. Sabler in Zhytomyr]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 43. pp. 783–788.
2. A.G. (1907) O rodnom yazyke v nachal'noy shkole [About the native language in elementary school]. *Pravoslavnaya Podoliya*. 12. pp. 265–272.
3. A.M. (1912) Beseda [Discussion]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 22. pp. 463–464.
4. A.S. (1911) Vrazhda brat'ev [Brothers' enmity]. *Pochaevskiy listok*. 3. pp. 11–12.
5. *Pochaevskiy listok*. (1911a) Beseda o Berestechskoy bitve v puti k kozatskim mogilam [A conversation about the Battle of Berestechko on the way to the Cossack graves]. 20–21. pp. 5–6.
6. *Pravoslavnaya Podoliya*. (1906a) Besedy pastyrya s narodom na mestnom yazyke [Conversations of the pastor with the people in the local language]. 1. pp. 70–72.
7. *Pochaevskie izvestiya*. (1908) Brat'ya malorossy! [Brothers, Little Russians!]. September.
8. Vergun, D. (1910) Za Rus'! [For Russia!]. *Pochaevskiy listok*. 46–47. p. 18.
9. Vergun, D. (1914) Prikarpatskaya Rus' [Carpathian Ruthenia]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 36. pp. 602–603.
10. Arch. Vitaliy. (1912) [Redaktsionnaya stat'ya] [Editorial article]. *Soyuznaya biblioteka (Besplatnoe prilozhenie k zhurnalu "Pochaevskiy listok")*. 16. p. 1.
11. *Pravoslavnaya Podoliya*. (1908a) Vnesenie protoiereya Evfimiya Setsiskago v Eparkhial'nyy S'ezd [Proposal of Archpriest Euthymius of Secin to the Diocesan Congress]. 6. pp. 53–57.
12. Voytyuk E.S. (1910) P'yanytsya [Drunk]. *Pochaevskiy listok*. 38. p. 8.
13. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1915) Volynskaya tserkov' pred litsom sovremennoy voyny [The Volyn Church Faced by Modern War]. 8. pp. 118–120.
14. *Pochaevskiy listok*. (1912a) Volyn' i Kievshchina. (Iz pis'ma volynyanina) [Volhynia and Kiev region. (From a Volhynyanin's letter)]. 4. p. 10.
15. G.N. 17. (1915) Merzavtsy [Scoundrels]. *Pochaevskiy listok*. 18. p. 10.
16. G.B. (1913) Russkie i ukraintsy [Russians and Ukrainians]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 28. pp. 508–511.
17. Golubovich, V. (1914) Gore Ukrainy [The grief of Ukraine]. *Pochaevskiy listok*. 4. pp. 14–15.
18. Grinevich, A. (1907) Po povodu vykhoda v svet ukrainskogo perevoda Sv. Evangeliya ot Matfeya [About the publication of the Ukrainian translation of the Holy Gospel of Matthew]. *Pravoslavnaya Podoliya*. 1–2. pp. 2–6.
19. Dalibor. (1912) Pravoslavnoe dvizhenie v Galitsii [Orthodox Movement in Galicia]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 40. pp. 794–796.
20. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) Dva protsessa za veru

pravoslavnuyu v Avstro-Ugrii [Two trials for the Orthodox faith in Austria-Hungary]. 48. pp. 871–872.

21. Drozdovich, V. (1912) Rech', skazannaya v noch' s 24-go na 25-e maya na panikhide na Kozatskikh mogilakh [Speech delivered on the night of May 24 to May 25 at the memorial service on Cossack graves]. *Pochaevskiy listok*. 39–40. pp. 1–3.

22. E.S. (1910) Podol'skie otshchepentsy ot Pravoslavnoy Tserkvi [Podolia's renegades from the Orthodox Church]. *Pravoslavnaya Podoliya*. 50–51. pp. 1089–1098.

23. I.G. (1912) Shchira porada [Sincere advice]. *Pochaevskiy listok*. 4. pp. 7–8.

24. Ivanov, A.A. (2019) Problems of Russian nationalism in papers and sermons of metropolitan Anthony (Khrapovitsky). *Rusin*. 58. pp. 58–78 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/58/5

25. Ivanov, A.A. & Kovaleva, E.O. (2023) Deyatel'nost' arkhimandrita Vitaliya (Maksimenko) na Volyni: politicheskyy ekstremizm ili protivodeystviye stikhiynomu radikalizmu? [Activities of archimandrite Vitaly (Maksimenko) in Volhynia: Political extremism or counteraction of spontaneous radicalism?]. *Vestnik MGPU. Seriya "Istoricheskie nauki" – MCU Journal of Historical Studies*. 2(50). pp. 46–64. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04

26. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1916) Iz zhizni drugikh eparkhiy [From the life of other dioceses]. 23–24. pp. 227–228.

27. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1911) Izvestiya i zametki [News and notes]. 2. pp. 44–47.

28. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1908) K 200-letiyu so dnya kazni Vasiliya Kochubeya i Ivana Iskry [On the 200th anniversary of the execution of Vasily Kochubey and Ivan Iskra]. 19. pp. 385–387.

29. Kalchenko, T.V. (2014) *Monarkhicheskoe dvizhenie v Kieve i na territorii Kievskoy gubernii (1904–1919)*. *Istoricheskaya entsiklopediya*. [Monarchist movement in Kyiv and in Kyiv province (1904–1919). Historical Encyclopedia]. Kyiv: Interkontinental'-Ukraina.

30. Kashubskiy, V. (1910) Bitva pid Berestechkom [The Battle of Berestechko]. *Pochaevskiy listok*. 35. pp. 10.

31. Kozlov, M. (1910). Shcho diet'sya na Vkraïni [What is being done in Ukraine]. *Pochaevskiy listok*. 13. p. 19.

32. *Pochaevskiy listok*. (1915) Konets mazesinstvu! [The end of mazesinstvo!]. 15. pp. 1–4.

33. *Russkoe slovo*. (1907a) Krest'yane-soyuzniki [Peasants – members of the Union of the Russian People]. 22nd July. p. 4.

34. *Pochaevskiy listok*. (1910a) Litom [In the summer]. 26. p. 17.

35. Lutsyk, I.Ya. (1911) Navstrechu galichanam [To meet the Galicians]. *Pochaevskiy listok*. 29–30. p. 30.

36. *Pochaevskiy listok*. (1912b) Memorandum (torzhestvennoe zayavlenie)

o pritesneniyakh russkogo naroda, ego kul'turnoy i religioznoy svobody v Galitsii (Avstriya) [Memorandum (solemn declaration) on the oppression of the Russian people, their cultural and religious freedom in Galicia (Austria)]. 38. p. 4–8.

37. Menshikov, M.O. (1913) Arkhimandrit Vitaliy [Archimandrite Vitaly]. *Pochaevskiy listok*. 17. pp. 12–16.

38. *Pochaevskiy listok*. (1911b) O kozatskikh mogilakh [About Cossack graves]. 19. p. 7–10.

39. *Pochaevskiy listok*. (1910b) O natsionalizme [About nationalism]. 52. pp. 6–7.

40. Obratsov, V.A. (1912) *Torzhestvo russkogo ob"edineniya. Osvyashchenie "Narodnogo doma" Ekaterinoslavskogo otd. Soyuzu russkogo naroda 5 okt. 1910 g.* [The triumph of Russian unification. Consecration of the "People's House" of the Ekaterinoslav department of the Union of the Russian People on October 5, 1910]. Kharkov: Mirnyy trud.

41. *Pochaevskiy listok*. (1910c) Otkuda vzyalis' nerusskie lyudi v drevnerusskoy zemle [Where did non-Russian people come from in the Old Russian land]. 25. p. 6.

42. P.S.F. (1915) Iz zhizni Galichiny [From the life of Galicia]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 11. pp. 175–176.

43. *Pravoslavnaya Podoliya*. (1908b) Pamyati mitropolita Litovskogo Iosifa Semashko. (Po povodu 40-y godovshchiny ego smerti) [In memory of Metropolitan Joseph Semashko of Lithuania. (On the occasion of the 40th anniversary of his death)]. 48. pp. 1023–1027.

44. *Pochaevskiy listok*. (1911c) Pamyati T.G. Shevchenko [In memory of Taras Shevchenko]. 6. p. 17.

45. *Pochaevskiy listok*. (1910d) Pesnya rusinov [Song of the Rusins]. 5. p. 8.

46. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1914) Pechat' [Periodicals]. 8. p. 126–127.

47. *Pravoslavnaya Podoliya*. (1906b) Podol'skiy narodniy katikhizis I. Rus'ka narodnist' [Podolsky folk catechism I. Russian nationality]. 4. pp. 7–8.

48. Polishchuk, K.L. (1910) Osinni kviti [Autumn flowers]. *Pochaevskiy listok*. 26. p. 17.

49. Prokofiev, V. (1912) S prazdnika Kholmiskoy Rusi [From the holiday of Kholm Rus]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 40. pp. 792–793.

50. Rafalskiy, G. (1908) Russkiy filosof 18 veka Grigoriy Savvich Skovoroda [The Russian philosopher of the 18th century Grigory Savvich Skovoroda]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 28. pp. 513–518.

51. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912) Rospisnaya paseka. (Arkheologicheskaya zametka) [Painted apiary. (Archaeological note)]. 44. pp. 1029–1040.

52. Semenyuk, I. (1913) Gorilka vylykaya zguba [Vodka is a big trouble]. *Pochaevskiy listok*. 3. p. 12.

53. *Pochaevskiy listok*. (1912c) Son mazepyntsya [A MazePINets' Dream]. 41. pp. 5–6.
54. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1910) Sredi gazet i inoeparkhial'nykh izdaniy [Among newspapers and other diocesan publications]. 27. pp. 499–500.
55. Starodub, A.V. (2002) Listi episkopa Parfeniya (Levits'kogo) do Oresta Levits'kogo ta Eliseya Tregubova yak dzherelo do vivchennya istorii vidannya ukrains'kogo perekladu Evangeliya [Letters of Bishop Parthenius (Levitsky) to Orest Levitsky and Elisha Tregubov as a source for studying the history of the publication of the Ukrainian translation of the Gospel]. *Ukrains'kiy arkhografichniy shchorichnik*. 7. pp. 356–388.
56. *Russkoe slovo*. (1907b) Telegrammy nashikh korrespondentov [Telegrams of our correspondents]. 31st December. p. 3.
57. Fedevich, K.K. & Fedevich, K.I. (2017) *Za Viru, Tsarya i Kobzarya. Malorosiy's'ki monarkhisti i ukrains'kiy natsional'niy rukh (1905–1917 roki)* [For Faith, Tsar and Kobzar. The Little Russian monarchists and Ukrainian national movement (1905–1917)]. Kyiv: Krytyka.
58. Khatsayuk, T. (1910) Motivy o predostavlenii preimushchestv naseleniyu russkogo proiskhozhdeniya pri vvedenii v shesti yugo-zapadnykh guberniyakh zemskogo polozheniya [Motives for providing advantages to the population of Russian origin with the introduction of zemstvo regulations in six south-western provinces]. *Pochaevskiy listok*. 35. pp. 7–8.
59. Chemakin, A.A. (2023) Kuda ischezli chernosotentsy? Elektoral'naya statistika kak istochnik dlya issledovaniya natsional'noy identichnosti ukrain'skogo krest'yanstva v nachale XX v. [Where did the Black Hundreds disappear? Electoral statistics as a source for the study of the national identity of Ukrainian peasantry in the early 20th century]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 13(3). pp. 592–605. DOI: 10.21638/spbu24.2023.305
60. Shulgin, V.V. (2020) “Belye mysli”. *Publitsistika 1917–1920 gg*. [“White Thoughts.” Journalism of 1917–1920]. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon.
61. Shulgina, E.G. (2019) *Konspekt moikh politicheskikh perezhivaniy (1903–1922)* [Summary of My Political Experiences (1903–1922)]. Moscow: Fond “Svyaz’ Epokh.”
62. Yurkevich, S.G. (1915) Iz zhizni Galichiny [From the life of Galicia]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 24. pp. 375–376.
63. Yushko, V. (1914) Vossoedinenie ili prisoedinenie [Reunification or joining]. *Pochaevskiy listok*. 2. pp. 14–15.
64. Yavorenko, K. (1911) Novorichniy gist' [New Year's guest]. *Pochaevskiy listok*. 1. pp. 10–12.
65. Kovaleva, E.O. (2023) Reconstructing common historical memory: to the history of construction of the monumental temple at the site of the battle of Berestechko in 1651. *Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyakh novoy real'nosti* [Challenges of Modernity and Strategies for the

Development of Society in New Reality]. Proc. of the Conference. Moscow: Alef. pp. 335–339.

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Andrei A. Ivanov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru